

Планшет

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Дмитрий Ломов

18+

Дмитрий Ломов

Планшет

«Автор»

2015

Ломов Д.

Планшет / Д. Ломов — «Автор», 2015

В этой книге - детство, отрочество и юность мальчика из СССР. Истории, рассказанные в книге, случились на самом деле. Каждая из них раскрывается через историю предметов, которые главный герой хранил, как детские сокровища, в офицерском планшете времён Великой Отечественной войны. Содержит нецензурную брань.

© Ломов Д., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Вместо предисловия.	6
ПОГОНЫ	8
СКАЗКА старшей ДОЧЕРИ	15
ДЖИМ	18
УПК	25
ТЕЛЕГРАФИСТ	31
ХАЙЕР	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дмитрий Ломов

Планшет

Планшет

Вместо предисловия.

Однажды старшая дочь затеяла генеральную уборку на своей половине бабушкиного дома. Добралась до платяного шкафа и стала сортировать вещи на две кучки: полезное и хлам.

– Пааап, тебе это портмоне нужно?

Заинтересованно подошёл, у меня ведь никогда не было портмоне. Подошёл и глазам не поверил – был уверен, что офицерский планшет времён Великой Отечественной войны навсегда остался в моём детстве. А он, вот – лежит между двумя стопочками «полезное» и «хлам». Лежит и ждёт, в какую определят.

– Дочь, это не портмоне. Это планшет. В нём мои детство и юность, в этом планшете. И не только мои.

– Планшет???

– А ты думала – планшет придумали в компании Эппл?



А появился планшет у меня так...

Дядя Миша был танкистом и дальним родственником нашей семьи. Воевал в Великую Отечественную, вернулся победителем и стал пить. Про войну дядя Миша рассказывать не любил, но детей любил очень. Этот планшет – его подарок.

Чего я в нём только не хранил, в этом планшете, но всегда самое ценное. Однажды начитался про шпионов. Книжные шпионы делали из обычной книги контейнеры. Вырезали в листах полость и хранили в ней свои шпионские тайны. В детстве секретов у меня было не меньше, чем у шпионов и мне тоже был нужен такой тайник. Смастерил его из учебника

английского языка для пятого класса. С тех пор с английским у меня не очень. С немецким почему-то тоже. Зато тайник получился отменный. Эту книгу-контейнер я тоже в планшете хранил. Лет двадцать после детства.

Мне всегда нравилось копошиться в ящиках бабушкиного комода. Столько интересных штук в одном месте и сразу я больше никогда и нигде не находил. У каждой – своя история.

За два года до смерти, дядя Миша бросил пить.

– Знаешь, – сказал он мне как-то, – Жизнь такая замечательная, а из-за водки я почти всю её пропустил. Теперь уж не наверстаю, – потушил сигарету и вернулся к взрослым.

Ничего больше не помню про дядю Мишу. Только слова эти и планшет.

Открываю планшет и достаю из него разные штуки. По одной.



ПОГОНЫ



В армию я идти не хотел – нет ничего страшнее неизвестности. Два года вдали от дома и тех, кого любишь – серьезное испытание для 18-летнего пацана.

Помню на призывном пункте, мы спасались от жары в тени трансформаторной будки и ждали, когда нас разберут «покупатели». Покупателями на армейском языке называли офицеров, которые приезжали в областные военкоматы за пополнением. Личные дела новобранцев тщательно изучались, сортировались в стопочки и если у «покупателя» были дружеские отношения с коллегами из военкомата, ему доставался первосортный материал. А если нет, подсовывали без разбора.

И вот, сидим мы в тенёчке трансформаторной будки, ждём, когда из июньского марева за нами вынырнет хоть какая-то определённость, ждём и боимся признаться себе, насколько нам страшно.

В этом теньке я впервые осознал – два года! Двадцать четыре месяца!! 730 дней!!! Вечность.

Вечность пролетела чуть медленнее истребителей МиГ-29, которые наша часть обслуживала в Ростове-на-Дону. Дембель.

Готовиться к демобилизации я начал за полгода до приказа министра обороны Дмитрия Язова. Последнего министра обороны СССР, последнего маршала Советского Союза.

Уходить из части решил в модернизированной парадке, но клоуном выглядеть решительно не собирался, поэтому улучшил парадную форму одежды по минимуму: шеврон на кителе на белой подложке и пластиковые вставки в погоны, чтобы погоны не мялись.

Для шеврона разработал собственное ноу-хау.

До меня миллионы дембелей Советского Союза мастерили подложку из десятка слоев подшивы для подворотничка, прихватывая их ювелирными стежками один к другому. Долго и мучительно.

Копировать чужой опыт мне было жаль времени, да и просто лень. Поэтому вырезал по контуру шеврона картон чуть большего размера, обтянул его белой тканью в два слоя и посадил на клей ПВА. Быстро, дешево, красиво. А чтобы шеврон был чуть выгнутым, сушиться я его приспособил к бутылке-чебурашке из-под лимонада.

Когда друзья-дембеля увидели результат, мне пришлось сделать еще с десяток копий.

Рубашку купил офицерскую, погоны прапорщичьи. К ним на ПВА приклеил буквы "СА" – советская армия. Всё.

И никаких аксельбантов!

Но даже с такой минимальной «красотой» патрулю на глаза лучше было не попадаться.

Из части я уходил вместе со своим закадычным армейским дружкой Серёгой Поздняком. Уходили, переодевшись в гражданскую одежду – в нашей парадке за ворота нас никто бы не выпустил.

За пять минут дошли до квартиры сердобольной женщины Ирины, которая работала вольнонаёмной служащей в офицерской столовой части №65222. Молодая одинокая Ирина воспитывала сына призывного возраста, поэтому сочувствовала солдатам.

Я неоднократно бывал приглашён к Ирине в гости на чай и домашние пироги, где отогревался душой от суровых армейских будней. Знаю, звучит фраза пошло, но так оно и было на самом деле – после казармы, обычное чаепитие в тесной хрущёвке, казалось маленьким чудом.

А ещё, Ирина любила хард-рок и бардовские песни. Любимой певицей Ирины была Сьюзи Кватро, а любимой группой "Pink Floyd". Стены малогабаритной Ириной квартиры украшали самодельные постеры рок-групп и графические абстрактные картины, выполненные чёрной тушью.

Наши вкусы совпадали.

Ирина была первым критиком моих песен, которые сами собой стали сочиняться у меня в армии. Критиковала Ирина безжалостно, но всегда по делу. Но и в обиду мои робкие начинания не давала.

– Подумаешь, песенку сочинил, – скептически морщился рядовой Ерохин, – Если бы у меня было столько свободного времени на боевом дежурстве у телеграфного аппарата в отдельной комнате, я бы ещё и не такое сочинил.

– Ероша, зависть – плохое чувство, – улыбалась Ирина, – Ты бы нифига не сочинил даже в отдельной комнате, даже со спиртными напитками.

– А чо, выпить есть, Ир? – оживлялся Ерохин.

– Ну, ты и наглец, Ероха! Иди, картошку чисть.

В общем, свою красивую, но совсем неуставную парадную форму одежды, мы хранили у Ирины и перед отъездом переоделись у неё в квартире.

До вокзала добрались без приключений – мы с Серёгой были очень осторожны.

У касс, где продавали билеты только для военнослужащих – в 1988 году ещё были на советских железнодорожных вокзалах такие кассы – мы предъявили документы, по которым полагался бесплатный проезд в плацкарте до места назначения – это был прощальный

подарок от Родины. Но плацкарт это было так не празднично... И мы шиканули – доплатили за билеты в купейные вагоны – Серёга до Тулы, я до Саратова.

Поезд друга уходил раньше, и я проводил его до вагона.

Здесь меня патруль и прихватил.

– Нарушаем парадную форму одежды, боец? – офицер скорее не спрашивал, а констатировал факт, – Пошли...

До отхода моего поезда оставалось 20 минут.

В обшарпанной комнатке железнодорожного вокзала начальник патруля, не торопясь, проверил документы на значки, которые красовались на моём кителе и озадаченно хмыкнул – все значки были честно заработанными. Потом дошла очередь и до «дипломата».

– Закрыто? – подергал замки офицер, – Открывай.

Я похолодел – в модном по тому времени чемоданчике из чёрного кожзама лежал дембельский альбом с фотографиями секретных объектов.

Это могло стать проблемой.

Дембельский альбом я начал делать за год до приказа о демобилизации. К процессу подошёл основательно. Покупные фотоальбомы меня не устраивали, и я написал письмо деду, в котором просил сделать мне альбом из отдельных листов, скреплённых болтами.

Дедушка учёл все пожелания и сделал так, как его просили и даже лучше.

Начал я с того, что загрунтовал отдельно каждый лист гуашью и самодельным пульверизатором нанёс на них космической красоты брызги. Не на все листы нанёс – чувство меры воспитывалось во мне с детства.

Когда листы высохли, покрыл их лаком и отложил в сторону – настал черёд обложки.

Не помню уже, сам догадался или подглядел у кого, но обложку решил сделать из зимней портянки. Как раз перед зимой нам выдали новенькие комплекты пэша (полушерстяная форма) и ни разу не надёванные байковые портянки. Они-то и пошли в дело.

Портянки на ощупь были совсем как плюшевые игрушки, но белого цвета, а по замыслу должны были стать "как небо на погонах – голубыми". Должны были стать и стали – развёл в тазике синьку и замочил в ней портянки. Результат превзошёл все ожидания – байковое небо в руках, да и только.

Двадцать восемь лет прошло, а обложка альбома не потускнела.

Целый год я вырезал из фольги уголки для альбомных листов, рисовал на кальках смешные сюжеты из армейской жизни, печатал фотографии...

Печать фотографий. Сейчас, когда почти у каждого в мобильном телефоне есть не только фото, но и видео камера, которая снимает в формате Full HD, трудно себе представить насколько трудоёмким был процесс получения отпечатка одного единственного кадра.

Сначала в фотоаппарат заряжалась катушка с плёнкой. Но сначала плёнку нужно было в эту катушку заправить. Делалось это так: с обратной стороны рукавов пальто просовывались руки, пальто заматывалось вокруг рук на манер женской меховой муфты по моде 18-19 века и рулончик плёнки наощупь наматывался на катушку, которая на ощупь же вставлялась в светонепроницаемую кассету. Были и другие способы зарядки плёнки в кассету, например, залезть в шкаф или дождаться ночи или закрыться в ванной... Но дверь шкафа могла предательски открыться со скрипом в самый неподходящий момент, а свет в ванной могли включить домашние, позабыв о вашей просьбе не трогать выключатель хотя бы пять минут.

Итак, плёнка заправлена в кассету, а кассета вставлена в фотоаппарат. Дело за малым – сделать снимок. Цифровые камеры автоматически определяют расстояние до объекта съёмки и сами же выставляют выдержку и диафрагму. Фотоаппараты из моего детства делать этого не умели. Но ленинградский завод ЛОМО выпускал для начинающих фотографов фотоаппарат «Смена-8м», на объективе которого были изображены значки облачков, солнышек и расстояние в метрах. Ясный день – выставляешь выдержку на солнышко, пасмурный – на солнышко за тучкой, потом крутишь колёсико с метрами, взводишь спусковой механизм и жмёшь на кнопку.

Правда, была ещё и диафрагма, но выставить её – это уже высший пилотаж и постигался он на километрах загубленной фотоплёнки.

Когда плёнка была отщёлкана, её в полной темноте и снова наощупь нужно было зарядить в бачок для проявки, строго по технологии развести реактивы и минут десять крутить в проявителе, потом промыть в холодной воде, потом влить в бачок закрепитель и закреплять негатив минут двадцать-тридцать, затем снова промыть и в сушилку. Если плёнка была цветной, количество операций увеличивалось в разы.

Сушили негативы обычно на кухне, на верёвочке, пристёгивая их к верёвочке бельёвой прищепкой.

Но все эти процессы были только прелюдией к получению фотографии. Печать фоток – это было священнодействие и камлание одновременно, только не при свечах, а при свете красного фонаря – красный свет не засвечивал фотобумагу.

Фотобумага продавалась в плотном бумажном пакете, внутри которого скрывался ещё один пакет, но уже из чёрной светонепроницаемой бумаги. Листов в таком пакете обычно было двадцать. Стоила фотобумага не сказать чтобы дорого, но и не дёшево – фотография в СССР не являлась предметом первой необходимости и потому фотоальбомы были далеко не у всех. А у тех, у кого фотоальбомы были, снимки в них исчислялись десятками, а не гигабайтами, как сейчас. Одним словом, фотобумагу мы берегли.

Однажды я засветил целую пачку. Расстроился жутко, но решил минусы обратить в плюсы и разыграть закадычного своего школьного друга Серёгу Незнамова.

– Смотри, какую мне фотобумагу дядя из Риги привёз – она не засвечивается!

– Врёшь! – не поверил Серёга.

– Зуб даю! – и я смело вытянул из чёрного конверта уже засвеченный лист фотобумаги.

– Странный цвет какой у неё, в желтизну отдаёт. Точно не засветим мы её?

– Да ты чо! Это ж покрытие такое... специальное! – вдохновенно врал я.

– Вещь! Ведь могут, когда захотят! – восхищался Серёга, – Это чего же, теперь можно в ванной не закрываться по ночам и прямо днём фотки шлёпать?!

– Ага.

– Класс!

Сразу после уроков мы с Серёгой забурились ко мне домой, быстро собрали увеличитель – это прибор такой: вставляешь в него негатив, матовая лампа просвечивает плёнку, а специальная линза фокусирует изображение негатива на фотобумаге. Перемещая колбу увеличителя вверх-вниз по штативу, можно было изменять размер фотографии и даже кадрировать снимок. И здесь снова важна была выдержка – чуть переборщил и лист бумаги оказывался безнадежно засвечен, недодержал, и тогда изображение выходило блёклым. Золотая середина достигалась только опытным путём.

– Чего это? – удивлённо поднял на меня глаза Серёга, когда я вынул из кюветы с проявителем почерневший лист фотобумаги – Передержали что ли? Пару секунд ведь всего выдержку делал! Там инструкции не было к этой специальной бумаге твоей?

– Да обычная это бумага, Серёг. Только засвеченная. Случайно засветил целую пачку и решил вот...

– Ну, и гад ты, Диман! – и Серёга ушёл, хлопнув дверью. Друг разозлился на меня не за то, что я его разыграл, он и сам частенько меня подкалывал, Серёга обиделся на меня за то, что я разрушил его веру в чудо.

Чудо возможно, Серый – теперь фотобумага вообще не нужна. А там, где ты сейчас, я уверен, есть фотобумага, которой солнечный свет нипочём.

На следующий день после розыгрыша, Серёга подошёл ко мне на перемене и спросил:

– Осталась ещё эта, твоя супер-фотобумага? Я Барулину её хотел подогнать.

– Конечно осталась, Серёг! Приходи, забирай хоть всю!

– Конечно, для друга говна не жалко! – и Серёга рассмеялся, и мы помирились.

В общем, фотопечать в конце 80-х годов прошлого века была делом трудоёмким даже на гражданке, а в армии превращалась в самую настоящую секретную операцию – ведь командование части не поощряло фотодела, если оно носило стихийный характер. А оно носило. Поэтому раз в месяц мы закрывались с киномехаником Димкой Грицоем в его кинобудке и печатали фотографии, сюжеты которых могли стать поводом для нескольких нарядов вне очереди. Минимум.

Фотки я клеивал в дембельский альбом на клей ПВА, придерживаясь определённой концепции, которая по ходу работы то и дело менялась, и тогда неудачные листы уничтожались и переделывались заново. Так я скрашивал свой солдатский досуг, не забывая о том, что военную тайну никто не отменял. Но, несмотря на запреты командования, мы продолжали делать фотографии себя на фоне секретных объектов и про военную тайну не думали.

О военной тайне думали начальник особого отдела и замполит части майор Коломейцев. Майор время от времени устраивал обыски на всех секретных объектах в части и безжалостно изымал запрещённые в армейском быту вещи. Поэтому дембельские альбомы мы прятали тщательно.

Друг мой Валерка Чулков хранил свой альбом в самой настоящей землянке.

Валерка нёс боевое дежурство на дальнем приводе – это такая радиостанция, которая наводит самолёты на взлётно-посадочную полосу. Спрятать в маленьком домике запрещённые уставом вещи, было решительно негде. Но парни проявили солдатскую смекалку и вырыли глубокую яму во дворе дальнего привода. Вход в нору был замаскирован листом железа, поверх которого уложили аккуратно срезанный дёрн и строительный мусор.

Помнишь сцену из фильма "Терминатор-2", где Сара Коннор на какой-то свалке берётся за конец цепи, торчащей из земли, тянет изо всех сил и открывает вход в подземный тайник, забитый разнокалиберным оружием?

Почти в таком же тайнике свой дембельский альбом хранил мой друг Валерка. За четыре года до мировой премьеры американского блокбастера.

У меня тайник был попроще – аккумуляторный отсек бесперебойного питания связи. В нём, надёжно обернутый в несколько слоёв полиэтилена, мой дембельский альбом и дождался приказа министра обороны о демобилизации. И теперь, когда до дома было рукой подать, мой альбом мог стать препятствием на пути к гражданской жизни.

– Таааак, дембельский альбом... – старший патруля аккуратно достал из дипломата мой небесно-голубой шедевр и с трудом удерживал его в руках – весил альбом килограмма три.

– Товарищ старший лейтенант, у меня поезд через десять минут. Может быть...

– Может, а может и не быть... А это что тут у тебя? – офицер отложил в сторону убойную улику и с интересом рассматривал содержимое дипломата. На дне чемоданчика лежал двойной альбом «the Beatles» – сборник песен о любви, выпущенный болгарским лейблом "Balkanton". Винил был куплен на черном рынке Ростова-на-Дону во время очередного увольнения в город. Пластинки меня и спасли – начальник патруля оказался битломаном и закрыл глаза на фотографии секретных объектов в дембельском альбоме.

В вагон я вскочил за три минуты до отхода поезда.

Утром следующего дня быстрым шагом я шёл от вокзала домой. Не смог ехать на троллейбусе. В троллейбусе нужно было стоять, а мне хотелось лететь. И я летел.

Дверь открыл своими ключами. Все два года я хранил их на режимном объекте. Брал в руки связку ключей и дом на минуту переставал быть миром.

Два года я мысленно открывал дверь и представлял, как шагнул за порог. И я шагнул, и мама сказала:

– Сынок!..

Потом еще что-то сказала, а что я уже не могу вспомнить.

Помню, мы пошли к бабушке с дедом. Форму я снял только у них в доме, там она двадцать лет и хранилась в платяном полированном трёхстворчатом шкафу.

– Что с твоей формой делать? – спросила меня тётушка лет десять назад, – пусть и дальше висит или?..

– Или. Только погоны от рубашки отстегни, пожалуйста.

Тётушка вынесла парадку к мусорным бакам. Через пятнадцать минут форму кто-то забрал. Только погоны и остались.



СКАЗКА старшей ДОЧЕРИ

Когда старшая была младшей и единственной, мы купали её на кухне.



Ванной комнаты в бабушкином доме тогда еще не было, как и горячей воды, и туалета. Канализации не было тоже и помойную воду выносили вёдрами на улицу. Выливались вёдра прямо на дорогу, из-за чего зимой улица Гоголя обрастала ледяными торосами самого причудливого цвета, а летом пахла так...

В туалет нужно было выходить во двор, где в самом дальнем углу ютился неказистый деревянный домик. Дожди, снег и ветер давно смыли с него почти всю краску, и потому цвет этой будки определить было невозможно. Хотя нет, цвет начинающего гнить дерева был у туалета. Серо-чёрный. С морщинами трещин и сучков в досках.

И вот, выходишь ты на дальняк зимой, темно, ты сидишь над выгребной ямой и сверху тебя греет мех искусственной шубы, а снизу из очка твои голые ягодицы обдувает холодный вонючий ветерок. Представил? Это не так страшно, как кажется. Но купать грудного ребенка зимой на улице, да ещё и в шубе – это уже слишком. Поэтому купали старшую дочь на бабушкиной кухне, но в холодной воде. Шутка.

Потом старшая подросла, а кухня нет, и девочке захотелось расширить горизонты. Способ был один – сочинять.

Текст, приведенный ниже, судя по почерку, может быть датирован концом 20 века, между 1998 и 1999 годами.

Местами текст утрачен от слёз, но общий его смысл доступен даже неискушенному исследователю.

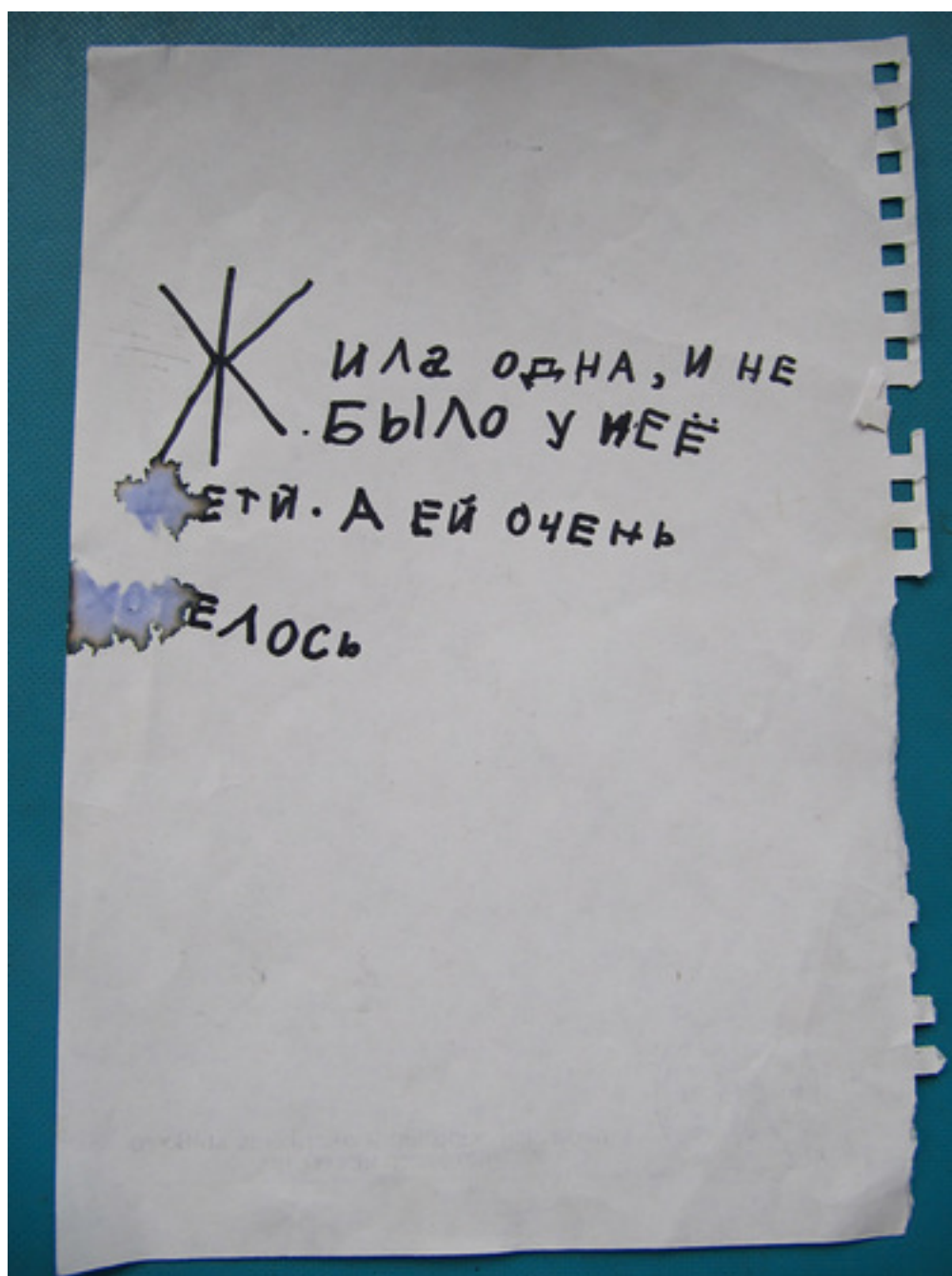


Фото автора сказки двумя или тремя годами ранее даты написания текста.



Жаль дальше завязки история не рассказалась.

ДЖИМ

1995-й год. Спешу на работу в издательство «Слово», там на последнем этаже располагалась редакция газеты «Заря молодёжи», где я уже несколько месяцев работаю штатным корреспондентом. Подхожу к парку «Липки» и рядом с памятником революционеру-разночинцу Чернышевскому, встречаю своих бывших коллег из ВГТРК «Саратов». Коллеги останавливают на улице прохожих и задают один и тот же вопрос: До какого колена вы помните своих родственников?

РОСОХОТРЫБОЛОВСОЮЗ
Саратовское областное общество охотников и рыболовов
г. Саратов, 410002, пр. Ленина, д. 15

СПРАВКА
о происхождении охотничьей собаки
№ _____

1. Порода ирландский сеттер
2. Пол кобель 3. Кличка Рочемне-Рома
4. Окрас красный
5. Клейма на ушах: на левом _____, на правом _____
6. Рожден „ 16 “ июня 1990 г.
7. Вязка зарегистрирована в книге вязок № 1374

Останавливаюсь и я, и тоже и отвечаю на камеру о том, что лично мне стыдно, но я помню свой род только до прадедушки. А вот в паспорте моего пса родословная записана до пятнадцатого колена.

Вот эта родословная:

РОДОСЛОВНАЯ

Рожд. 1990г.

ОТЕЦ Кличка <u>Гай</u> роос № <u>197/4</u> окрас <u>красный</u> Год рождения <u>10.03.84</u> ОЦЕНКИ: экстерьера <u>отлично</u> на полевых испытаниях <u>II, III</u> по бонитровке: класс <u>элита</u> Владелец <u>Алексеев А.И.</u>	Кличка <u>Султан</u> окрас <u>красный</u> ОЦЕНКИ: экст. <u>отлично</u> полев. испыт. <u>I, II</u> Владелец <u>Буров Ю.В.</u> Кличка <u>Кармен</u> окрас <u>красный</u> роос № <u>146/4</u> ОЦЕНКИ: экст. <u>отлично</u> полев. испыт. <u>2-3 II-3</u> Владелец <u>Шимин И.И.</u> Кличка <u>Эмиль</u> окрас <u>красный</u> роос № <u>1689/4</u> ОЦЕНКИ: экст. <u>от хор</u> полев. испыт. <u>2-II III</u> Владелец <u>Буров Ю.В.</u> Кличка <u>Тоби</u> окрас <u>красный</u> роос № <u>1566/4</u> ОЦЕНКИ: экст. <u>от хор</u> полев. испыт. <u>2-II</u> Владелец <u>Филипповский</u>	Кличка <u>Султан ВЕС/4</u> экст. <u>отл.</u> полев. испыт. <u>2-3 1-2</u> Владелец <u>Бердоев Ю.С.</u> Кличка <u>Тара 1413/4</u> экст. <u>от хор</u> полев. испыт. <u>2, III</u> Владелец <u>Тарел Т.С.</u> Кличка <u>Султан ВЕС/4</u> экст. <u>отл.</u> полев. испыт. <u>2-II 3</u> Владелец <u>Бердоев Ю.С.</u> Кличка <u>Майя 1331/4</u> экст. <u>отл.</u> полев. испыт. <u>2-3 2-3</u> Владелец <u>Майкин И.И.</u> Кличка <u>Рис 1566/4</u> экст. <u>отл.</u> полев. испыт. <u>II, III</u> Владелец <u>Тарел Т.С.</u> Кличка <u>Эмиль 1600/4</u> экст. <u>отл.</u> полев. испыт. <u>2, III</u> Владелец <u>Срабичев Ю.В.</u> Кличка <u>Рубин 1429/4</u> экст. <u>отлично</u> полев. испыт. <u>2-II III</u> Владелец <u>Томиш Н.И.</u> Кличка <u>Тина 1310/4</u> экст. <u>отл.</u> полев. испыт. <u>2-3 2-3</u> Владелец <u>Семинин</u>	Кличка <u>С. Шинка, 1420/4, отл. 2-3</u> Владелец <u>Морозов О.В.</u> Кличка <u>С. Ласка, 1081/4, отл. 2-3</u> Владелец <u>Алексеев Ю.В.</u> Кличка <u>С. Мир, 1421/4, отл. 2-3</u> Владелец <u>Семинин Ю.В.</u> Кличка <u>С. Мир, 1421/4, отл. 2-3</u> Владелец <u>Семинин Ю.В.</u> Кличка <u>С. Мир, 1421/4, отл. 2-3</u> Владелец <u>Семинин Ю.В.</u> Кличка <u>С. Мир, 1421/4, отл. 2-3</u> Владелец <u>Семинин Ю.В.</u> Кличка <u>С. Мир, 1421/4, отл. 2-3</u> Владелец <u>Семинин Ю.В.</u> Кличка <u>С. Мир, 1421/4, отл. 2-3</u> Владелец <u>Семинин Ю.В.</u> Кличка <u>С. Мир, 1421/4, отл. 2-3</u> Владелец <u>Семинин Ю.В.</u> Кличка <u>С. Мир, 1421/4, отл. 2-3</u> Владелец <u>Семинин Ю.В.</u> Кличка <u>С. Мир, 1421/4, отл. 2-3</u> Владелец <u>Семинин Ю.В.</u>
--	---	---	---

Заводчик — владелец производителем Роджерс Уполномоченный по племенной работе Квотинг СООИР Роджерс

Щенка ирландского сеттера я купил в 1990-м году. По случаю. Вожак комсомольской ячейки нашего факультета, красавица Вера Воробьева, по совместительству оказалась ещё и заводчиком этой породы.

До армии я очень хотел собаку, мечтал о кокер-спаниеле.

– Да зачем тебе этот кокер?! – удивилась Вера, – У меня неделю назад сука оценилась, приходи в гости и забудешь обо всех кокерах в мире! Обещаю.

Вера не обманула.

Когда я увидел, как табунок маленьких ирландцев бежит мне навстречу по прихожке, ни о какой другой собаке уже не думал.

Щенок стоил 400 рублей. Стипендия у меня была сорок. Но Вера пожалела меня и согласилась сбросить цену до 250-ти. Таких денег у меня тоже не было. Я их занял у бабушки. ДВЕ-СТИ ПЯТЬДЕСЯТ РУБЛЕЙ. Почти две средних зарплаты служащего в СССР.

Эти деньги я вернул. Устроился на работу санитаром на полставки в «3-ю Советскую». Днём учился на филолога, а ночью встречал пациентов в приёмном покое и носил трупы в морг.

Выбирал щенка так:

– Вон тот, самый бойкий, можно будет мой?

– Можно.

Вытащил его из кучи-малы братьев и сестёр, усадил в спортивную сумку и мы пошли домой.

По дороге нам со щенком попала толпа гопников. Их предводителя я очень хорошо знал – Роджерс. Роджерс ненавидел меня давно.

У меня есть друг Серёга. Учились вместе на Подготовительном Отделении Саратовского университета, на филологическом. В 90-е мы сошлись с Серёгой на музыке, но были абсолютно разные и тогда, да и сейчас тоже неодинаковые. Серега жил в районе, который примыкал к Городскому парку и водил дружбу с одним из бандитских бригадиров парковых. Это и был Роджерс. Редкостный отморозок – грабил, насиловал, убивал. Где была милиция? В демократичные 90-е у милиции дел хватало и без роджерсов.

Не смотря на brutальность, Роджерс сильно ревновал ко мне друга. Поводы были. Почти всё свободное время мы с Серёгой проводили вместе: писали и играли свою музыку, бегали по девчонкам и читали одни и те же книжки. Кроме того, Роджерсу не нравилось, что я заносчив, ношу очки и хайер ниже лопаток. И не пролетарий. Ещё нужны поводы для ненависти?

Как-то ночью в мою дверь позвонили. За дверью стоял Роджерс. За его спиной угрюмо молчали несколько быков из парковых.

– Я тебя убивать шел. Серёга отговорил. Сказал, что дружить со мной перестанет. Убивать не буду. Но хочу убить.

И Роджерс ушёл.

В моей крохотной однушке спали жена и 4-летняя дочь. За час я выкурил пачку. Демократия в стране только начиналась.

И сейчас этот самый Роджерс стоял передо мной, а за его спиной стояли еще человек шесть гопников.

– Чего в сумке? – делано равнодушно поинтересовался Роджерс. И я показал ему щенка.

– Ух-ты, бя! Смешной. И уши висят, как у тебя патлы. Ну, ладно, топай дальше, патлатый.

Метров пятьдесят ещё я ждал, что меня вот-вот окликнут. Передумают и окликнут. Не окликнули.

Джим стал Джимом не потому, что «Дай Джим на счастье лапу мне». Своё имя мой пёс получил благодаря Рони Джеймсу Дио. Очень я тогда увлекался хард-роком. Я и сейчас им увлечён, но совсем не так, как тогда. Спроси меня сейчас, когда я последний раз слушал Дио и я не вспомню. А тогда и вспоминать было нечего, ответ был – всегда!

Неделю щенок скучал по маме и братьям-сёстрам и плакал. Не скулил, а именно плакал. Неделю я спал рядом с его подстилкой на кухне. Варил ему кашу из гречки на мясном бульоне и выводил гулять шесть раз в день, ради чего прогуливал лекции. Мы стали закадычными друзьями с Джимом.

Тем же летом я впервые вывез щенка на турбазу на Волге и уже на второй день Джим потерялся. Я обыскал весь остров. И когда отчаялся найти, случайно обнаружил щенка в нашей же палатке. Джим во сне завалился за матрас, сладко спал и не слышал, что его ищет вся турбаза.



Пёс обожал воду, поэтому на Волгу мы с ним ездили регулярно. Эта фотка сделана на турбазе «Три тополя». Правда, на путёвке название турбазы почему-то было написано по-английски: «Three popla

п

s». В нашей стране тогда все очень любили, чтобы по-американски было. Хотя бы название. И сейчас любят, но уже не так.

Так, вот, эта фотка сделана в августе 1991 года, в «Трёх тополях».



В тот же вечер Джим влез лапой в костёр. Уголёк застрял у него между пальцами, и я минут пять ловил своего пса по берегу. Поймал, вытащил уголёк, успокоил, лечил потом. Соскучиться с Джимом было нельзя.

Когда мы гуляли, и нам навстречу попадалась красивая девушка, Джим всегда останавливался, оборачивался и долго смотрел девушке вслед, словно оценивал. Кобель явно копировал своего хозяина.

Когда рядом с тобой по улице идёт такой жизнерадостный красавец, познакомиться с девчонками было парой пустяков.

– Это у него натуральный красный цвет?!

– Ага.

– Ой, я тоже такой хочу!

– Можешь погладить. Он не кусается.

2001-й год.

Джим поднял меня в четыре утра. Обычно гулять мы выходили в семь. Чертыхаясь, я оделся, и мы спустились во двор. В то утро мы выходили ещё трижды, и каждый раз Джим поднимался на пятый этаж всё медленней. Я злился – лифт в нашем доме на ночь отключали.

В семь утра, когда Джим без сил лёг на лестнице, не дойдя этаж до дверей квартиры, я наконец-то сообразил – Джим заболел. Серьёзно. Телефона у нас в квартире не было. Добежал до работы, вызвал знакомого ветеринара и вернулся.

Джим встретил меня у порога. Мёртвый.

Прикрыл за собой входную дверь, сел рядом на пол и завыл.

Похоронил Джима в саду бабушкиного дома под яблоней и запил. От водки становилось только хуже. Я стоял под душем, но продолжал чувствовать запах своего пса. Казалось я сам и есть мой пёс.

Утром четвёртого дня запоя я заставил себя поесть, вылил в раковину остатки спиртного, открыл настежь окна и убрался в квартире. Потом собрал в сумку самые необходимые вещи и уехал в Москву. Жить.

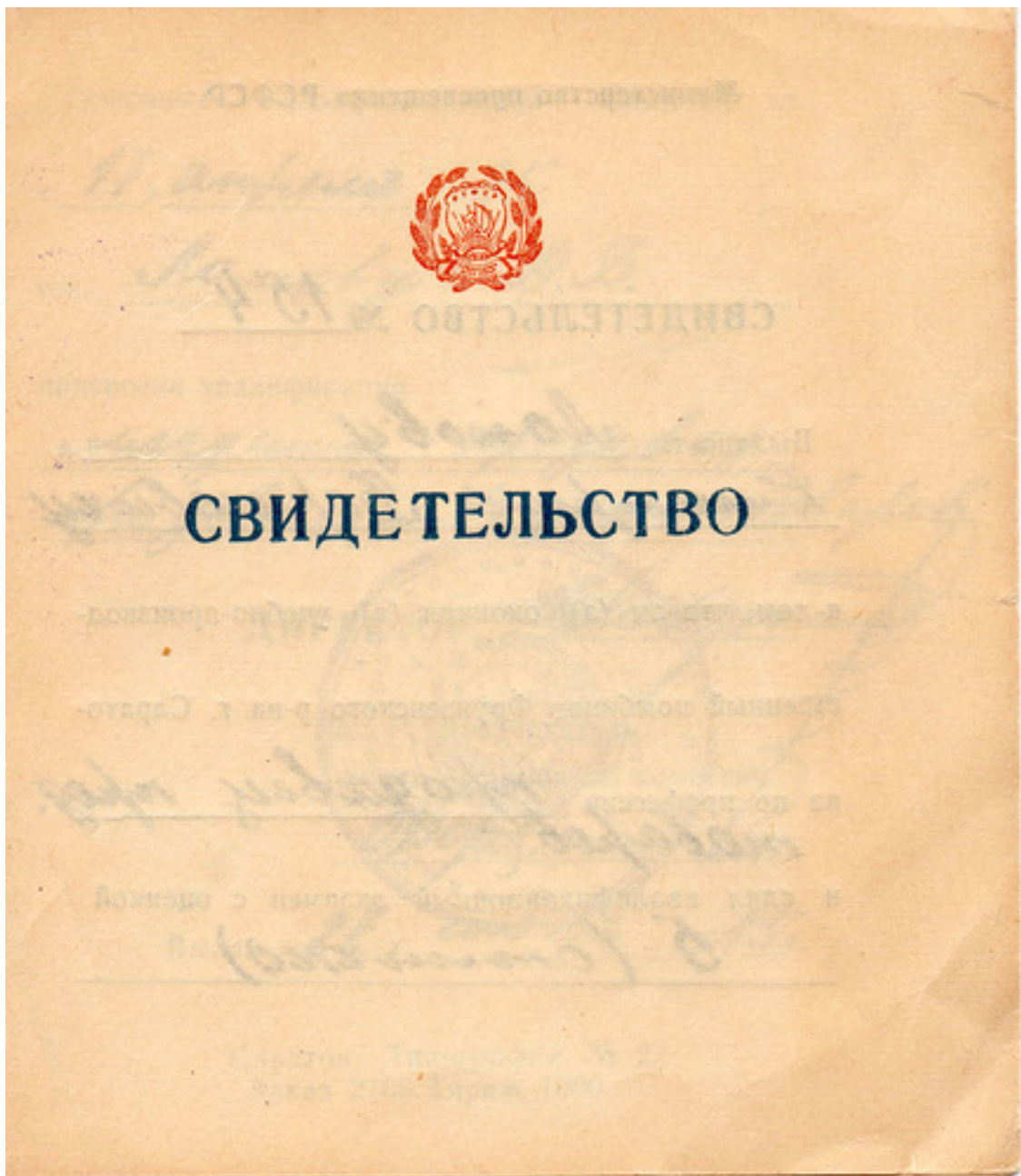
1990-й. Мастерю поводок для Джима.



В 90-е с деньгами у меня было очень тяжело. Поэтому, что мог, мастерил своими руками. Карабины для поводка, срезал с дядьмишиного планшета. Таких карабинов ни у кого больше не было. И второго такого Джима тоже не было. И не будет.

УПК

Учебно-производственный комбинат. Была и такая форма обучения в СССР. Взрослые люди учили здесь сотни школьников на слесарей и токарей, продавцов промышленных и продовольственных товаров, на инженеров-радиомонтажников и на швей. Мы считали это игрой, весёлой понарошкой. А всё было всерьёз. Когда после сдачи экзамена на профпригодность, мне вручили удостоверение...



...это была не какая-то бумажка, а самый настоящий документ. И он давал мне, 17-летнему пацану, право работать по полученной в школе специальности на всей территории СССР.

Дело было в 1983-м году, в девятом классе.

А начинался мой УПК совсем не радужно.

– Дедушка – токарь шестого разряда, говоришь? – трудовик с сожалением смотрел на меня сверху вниз, – Не в дедушку, значит.

Ну, а как он должен был смотреть и что сказать, если за 10 минут я угробил три резца?

– Знаешь, как называется этот станок?

– Токарный?

– "ДиП" он называется. То есть, Догоним и Перегоним Америку. Но с твоими талантами это вряд ли.

Огромный токарный станок из 50-х годов и худенький прыщавый я, почти на тридцать лет станка моложе – у нас не было ни шанса на взаимопонимание.

Помощь пришла неожиданно.

– Хочешь быть продавцом продовольственных товаров? – спросила меня завуч Учебно-производственного комбината и по счастливой случайности мама моего школьного приятеля Женьки Соколова.

– И никаких токарных станков?!

– Но зато больше ответственности, работа с людьми и с наличными деньгами.

К своим 16-ти я не имел профессиональных контактов ни с живыми людьми, ни, тем более, с живыми деньгами. Но люди не представлялись мне такими же монстрами, как три тонны металла с почти древнегреческим олимпийским именем ДиП.

– Что ж мне с вами делать, с продавцами-то? – задумчиво протянула директор магазина «Молоко» на проспекте Кирова, – Ладно, будете продавать на улице яйца, кисломолочку и чай. А там посмотрим.

Это был вызов. И мы с Серёгой его приняли. На каждую позицию товара был придуман рекламный текст в стихах. Выглядело это приблизительно так:

Байховый чай!

Поскорей налетай!!

Последняя пачка!

Доставай заначку!!!

Или вот, еще:

Болеешь?

Здоровье поправить легко!

Покупай кефир, ряженку,

Молоко!

Спешащие на работу граждане дрогнули, улыбнулись и выстроились в довольно длинную очередь к нашему лотку.

– Чего дают-то? – спрашивали крайние передних. И когда узнавали, что байховый чай, плевались от досады. Плевались, но продолжали стоять – срабатывал инстинкт советского покупателя – либо сегодня байховый, либо завтра никакого.

– Вы до обеда продали ящик чая?! – удивлялась директор магазина, – Вот этой дряни целый ящик?!!

Мы с Серёгой скромно улыбались и молчали.

– Вот вам три рубля премии. Лично от меня. Еще ящик продать сможете? Он там, в подвале уже год стоит.

К концу рабочего дня мы продали и тот ящик, и получили еще трешку. Итого, три рубля чистой прибыли каждому. За день работы! Таких денег мы с Серёгой в руках не держали никогда.

Магазин «Молоко» и дальше не уставал удивлять нас с Серёгой финансовыми перспективами – подтащил продавщице к прилавку несколько ящиков кефира – рубль, убрал пустые бидоны из-под сметаны в подсобку – ещё рубль. При этом грузчики в магазине были и получали зарплату.

А записка на баклаге со сметаной: «Валя! Сметану не разбавляй, я её уже разбавила?»

Баян?* В нашем магазине этот баян играл для покупателей каждый день. Но все были довольны: покупатели внезапно выброшенными в продажу курями, которые почему-то всегда имели легкий синеватый оттенок, продавцы – покупателями за то, что покупатели есть даже тогда, когда покупать почти нечего. И те и другие называли советскую полупотрошёную курицу СИНЯЯ ПТИЦА. Первые за удачу её обретения, вторые за всё остальное.

Денежный разврат в магазине «Молоко» длился недолго – нас с Серёгой перевели в рыбный магазин на углу Кирова и Горького.

Взвешивать мы умели. С деревянными счётами было сложнее. Поэтому под счёты мы положили клочок плотной коричневой обёрточной бумаги с таблицей цен.

Обёрточная бумага... Теперь её можно встретить лишь в "Икее" на упаковочных столах у выхода. Такая упаковка сегодня считается экологически чистой и стильной. А в СССР в эту "стильную" бумагу паковали всё. В кондитерской – конфеты, в рыбном – рыбу, в магазине одежды – костюмы и платья. Перевязывали свёртки с покупками суровой бумажной верёвкой. Сплошной винтаж.

Вот на таком клочке жуткой упаковочной бумаги мы с Серёгой и написали шариковой ручкой, сколько стоил каждый грамм сельдипряного посола, свежемороженого минтая, хека, мойвы и кильки.

До сих пор помню цену килограмма свежемороженой кильки – 12 копеек. Рыба была в длинных брикетах. Мы ломали их о край чугунной ванны, которая стояла у кафельной стены. А когда никто не смотрел в нашу сторону, ломали ногами. Хрусть! И пополам.

Отдел напротив украшала надпись СОКИ-ВОДЫ. Воды в отделе я не видел никогда, а соки были. Томатный, яблочный и березовый. Первые два – в конусах, березовый – в трёхлитровых банках. Но покупателей манили не они.

В этом же отделе торговали ликероводочной продукцией. Коньяк стоил 25 рублей и томился на полке годами, увеличивая свою выдержку, оставаясь неизменным в цене.

Однажды одна из коньячных бутылок не выдержала долгого пути к потребителю и прямо в витрине лопнула от времени ровно по донышку. Продавщица среагировала мгновенно и лихо перевернула бутылку горлышком вниз.

—

*Баян (интернет сленг) – старая шутка.

– За десятку возьмёшь? – деловито спросила она у мужика, который горящими глазами смотрел на «Пшеничную». Мужик, молча, протянул продавщице деньги и вышел из магазина, держа бутылку перед собой, как букет цветов.

В нашем отделе ажиотажа не было. Нам с Серёгой хватало расторопности не создавать давку у прилавка – взвесил, сверился с таблицей под счетами, написал на клочке бумаги цену, вручил покупателю. Пока тот оплачивал покупку в кассе, мы обслуживали следующего.

Да, да, да, во многих советских магазинах нужно было отстоять две очереди – сначала к продавцу, а затем в кассу. Никто не возмущался, хотя книга жалоб и предложений висела на гвоздике на самом видном месте.

Но когда выбрасывался дефицит...

Помнишь мойву горячего копчения в картонных коробочках? В конце месяца она была всегда. Надо ж было магазину делать на чём-то план реализации. Никогда бы не подумал, что советские люди так любили мойву. А они любили.

– Пацаны! По две коробки в руки! Не больше!! – кричала кассир через весь торговый зал.

Покупатели были отлично знакомы с этим правилом и, получив свои две коробочки, через бока которых уже сочилось масло, тут же снова вставали в хвост длинной очереди.

Мы с Серёгой старались быть вежливыми, но быстроты движений это не прибавляло и нам грубили. Мы краснели, нервничали, ошибались, нам грубили ещё больше. С тех пор копченую мойву в коробочках я недолюбиваю.

В конце учебного года меня спросили, в каком магазине я хотел бы отработать летнюю трудовую четверть? И я попросился в магазин самообслуживания. Серёга остался в рыбном:

– Ты не понимаешь! Весовой товар – это живые деньги! – повторял он слова нашей наставницы тётъ Зои.

Ежедневно тётъ Зоя принимала товар у директора магазина и дотошно взвешивала каждую коробку. Надписи «брутто» и «нетто» на упаковке продавщицу не интересовали:

– Усушка-утряска, а мне потом из своего кармана плати? – вечно приговаривала она и манипулировала гирьками, как жонглер в манеже:

– Смотрите и учитесь, мальчишки. Вот, это брутто, – и продавщица демонстрировала нам кассу в центре зала, – а это нетто, – и выдвигала из-под прилавка ящик с мятыми рублями. Рубли пахли рыбой и криминалом.

– В этой подсобке стоят электронные весы, – сказала мне заведующая магазином самообслуживания, – Кладёшь товар на чашку, цена высвечивается здесь. Переписываешь цену на бумажку, вкладываешь её в пакет. Всё.

Эта подсобка была волшебной пещерой Алладина! Грильяж, сервелат, венгерская ветчина и ЗЕФИР В ШОКОЛАДЕ!

– Стой, стой, стой! Ты куда так режешь?! – возмутилась умудрённая жизненным опытом фасовщица, – Ветчину, а венгерскую особенно, нужно резать так, – и румяная женщина в

белом халате лихо взмахнула ножом. Кусок ветчины распался на две части – в одной было практически одно сало, в другой – розовое мясо со слезой, – Понял?

Я утвердительно кивнул и спросил, можно ли попробовать кусочек? Оказалось можно. И не только ветчину, но и грильяж, и сыр, и даже зефир! Было ещё мыло. Оно так не по-советски пахло свежим зелёным яблоком, что его хотелось попробовать тоже.

В торговый зал это изобилие попадало редко, либо не попадало совсем. Когда я выходил из подсобки с уже оплаченным кульком дефицита и нёс его домой, чувствовал себя настоящим кормильцем семьи.

В девятом классе экзаменов в конце года не было и всё свободное время я проводил либо в подсобке магазина, либо разучивая аккорды песен «Машины Времени». Про учёбу было забыто.

В середине 80-х по талонам стало всё. От безысходности я стал навещать магазины, где меня ещё помнили. Никогда не забуду штабели голландского сыра под потолок склада и пустые полки в том же магазине.

В классе я был единственным счастливым обладателем кинокамеры «Кварц». Точнее, хозяйкой камеры была моя мама, а я брал камеру погонять. «Кварц» снимал на плёнку «Супер 8» и приводился в рабочее состояние обычной пружиной. То есть, заводилась камера, как игрушечная машинка. Только машинка проехала десять метров и остановилась, а камера сняла десять метров плёнки и они проехали через 30 лет.

Только благодаря этой камере и моей маме ты сейчас можешь видеть меня и моего закадычного друга Серёгу Незнамова. Такими мы были летом 1984-го:

http://www.youtube.com/watch?v=8Qx1Pc2d_CQ

Мама, спасибо!

Нет под рукой интернета? Я тебе так расскажу: люди в кадре одеты добротно, но не броско. Преобладающие цвета: серый, коричневый, синий и чёрный. Я в своих разноцветных чешских кроссовках выгляжу в кадре, как попугай, чем очень горжусь, но со стороны может показаться, что я сильно волнуюсь, стоя за прилавком на улице в самом центре Саратова. Так и есть – волнуюсь сильно. Но сейчас о кроссовках.

Кроссовок тогда в магазине было не купить, а мне очень хотелось адидасы, а достали чешские, на которых вообще никакого лейбла не было и я расстроился. А потом понял – все вокруг в адидасах, а я такой, в своих чешских кроссовках один и расстраиваться перестал.

Мама купила кроссовки с переплатой, за 80 рублей. Это была большая часть маминой зарплаты.

И вот, стою я на саратовском Арбате в модных кроссовках, мимо меня спешат люди в сером, спешат и не улыбаются. Советские люди вообще редко улыбались – поводов было мало.

В 2014-м одна итальянская старушка на греческом курорте, тщательно вспоминая английские слова, спросила меня:

– Вы откуда? Из России?! Странно...

– Чего же в этом странного? – удивился в свою очередь я.

– Вы много улыбаетесь. Русские обычно такие, – и тут итальянская бабушка изобразила лицом среднестатистического русского, и я его тут же узнал. Как не узнать эту хмурость и озабоченность сразу всеми проблемами? Нельзя не узнать.

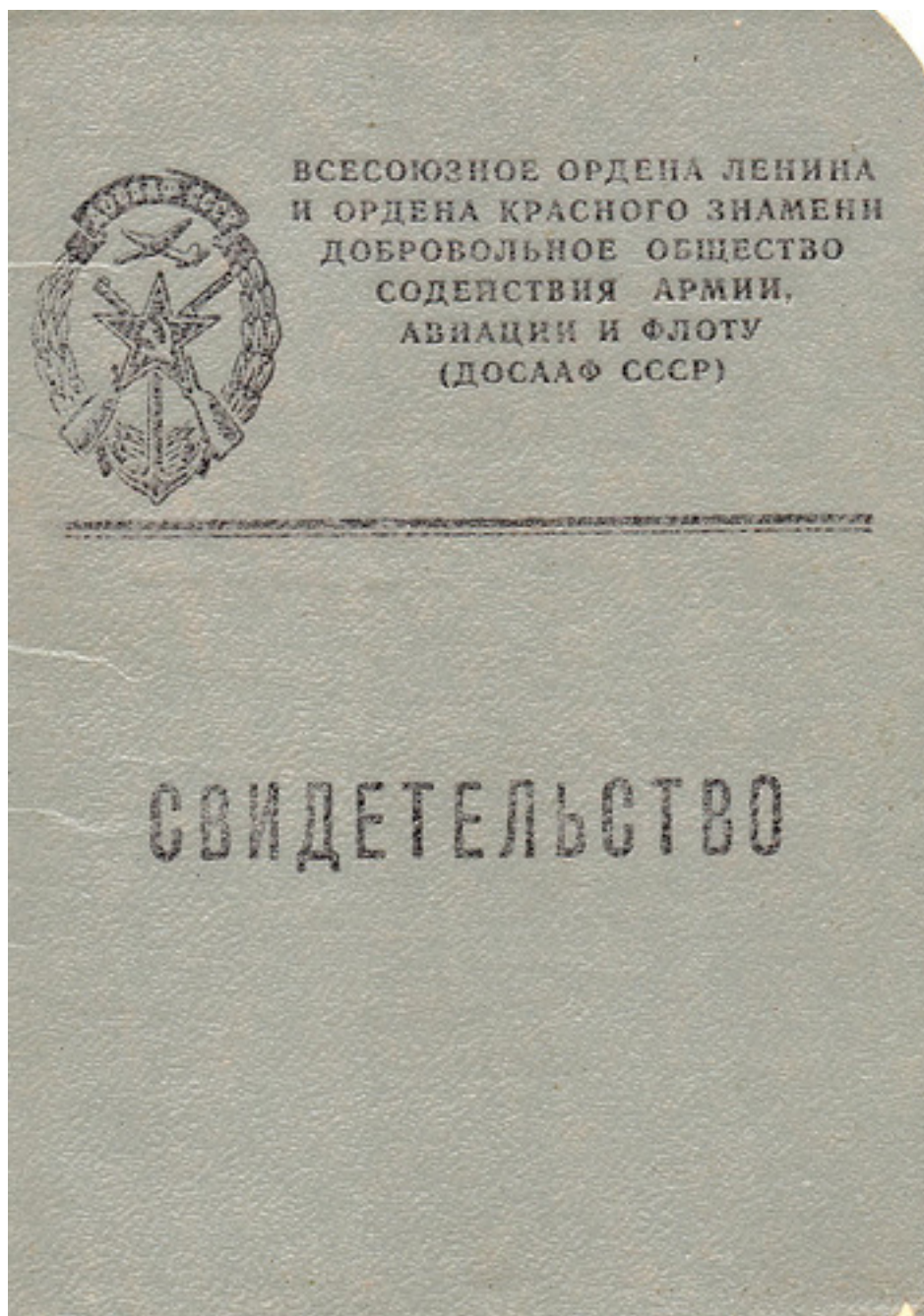
В июне 1985-го и мне и закадычному моему другу Сергею выдали вот такое удостоверение.



На первые заработанные деньги я купил цветомузыку «Электроника». За 250 рублей! А у Серёги на мойке случилась недостача. Очень большая.

ТЕЛЕГРАФИСТ

- Учить мы вас будем на телеграфистов-эстистов.
 - Эстетично учить будете?
 - Шутка, курсант? Ну-ну. В стройбате хорошую шутку ценят. Тебе сейчас повестку организовать или весны дождёшься? Я так и думал.
- Телеграфист-эстист, курсанты, это не шутки. Это нужная военная профессия!
И я стал телеграфистом. Ну, и эстистом заодно.



– Эстист? Была у нас в части одна вольнонаёмная эстисточка... – начальник хозотдела Главсредволгводстроя мечтательно вздохнул и сунул бумажку с моим предписанием себе в карман, – Понедельник, среда, пятница, говоришь? Учись, сынок. И не вздумай прогуливать, я проверю.

Начальником в нашем отделе был майор в отставке и за глаза мы звали его Сапог. Два слесаря-сантехника, два электрика, полтора плотника, считая меня за половину, и маляр-штукатур подчинялись Сапогу, как македонская фаланга – мгновенно и без вопросов. Но не в этот раз.

– Он, значит, будет три раза в неделю на два часа раньше с работы уходить, а работать за него я буду?! – задал вопрос маляр-штукатур из-за спин электриков. Электрики были после вчерашнего и взгляд Сапога застрял в них, как пуля в кевларе.

– Не перетрудишься. Особенно ты. Дырку на третьем замазал?

– Уже иду.

– Вот и иди.

Сапог развернулся на месте, как танк через левое плечо и ушел по коридору. Не оборачиваясь.

– А эстист, это как? – штукатур в часы досуга разгадывал кроссворды в «Огоньке» и ответы записывал в толстую общую тетрадь. Слова «эстист» в тетради штукатур не было.

– СТ-2м, так телеграфный аппарат называется, – как по писанному ответил я.

– Вряд ли пригодится, – сам себе сказал штукатур и зашёл в малярку.

– Записывать пошёл, – заржали электрики и тоже пошли. Опохмеляться.

А меня ждали заготовки для швабр и врезной замок на пятом этаже. Электрикам со мной было скучно.

Учиться на телеграфиста мне понравилось. Телеграфный аппарат был очень похож на печатную машинку, только ещё лучше – с его помощью можно было переписываться с удаленным адресатом.

Нас учили набирать тексты вслепую, десятью пальцами: группы букв, цифр, связанные и не очень тексты, а иногда и полную абракадабру. Но ошибаться было нельзя, особенно в абракадабре.

– Не вникай в то, что набираешь. Не ищи смысла в тексте. Твоя задача в точности передать порядок знаков, – учили наставники. И мы не вникали. Тридцать лет с тех пор прошло, а руки до сих пор помнят.

Первые полгода в армии телеграфный аппарат я не видел даже издалека – было очень некогда.

Когда я отчаялся вырваться из замкнутого круга нарядов в караул, дневальным по роте и нарядов в столовую, меня неожиданно допустили к боевому дежурству. Счастью своему я не верил – отдельная комната, топчан, собственный шкаф... Пещера Алладина не шла ни в какое сравнение с моей сказкой.



я на боевом дежурстве

Посторонним вход в мою сказку был строго запрещён. Даже командир роты не имел права входить в помещение, когда шла передача шифровки. Я этим пользовался.

Под топчаном, пристегнутая резинками от эспандера, у меня хранилась гитара. Чтобы её обнаружить, нужно было перевернуть топчан вверх ножками. Сделать это в голову не пришло ни одному проверяющему.

ВСЕСОЮЗНОЕ ОРДЕНА ЛЕНИНА И ОРДЕНА
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ДОБРОВОЛЬНОЕ
ОБЩЕСТВО СОДЕЙСТВИЯ АРМИИ, АВИАЦИИ
И ФЛОТУ (ДОСААФ СССР)

САРАТОВСКИЙ
(наименование)

учебной организации ДОСААФ)

СВИДЕТЕЛЬСТВО
серии С № **266756**

Выдано гр. Ломову
(фамилия,
Дмитрию Борисовичу
имя, отчество)

в том, что он обучался с «1» 3 1985г.
по «26» II 1986г. в САРАТОВСКОЙ РТШ
(наименование
учебной организации)

по программе Телеграфист-ящик
(наименование программы)

и на выпускных экзаменах согласно акту
№ 4
от 26 февраля 1986г.
получил следующие оценки:

Спец 17-44 ОТЛИЧНО
(наименование дисциплины)

Тех 17-44 ОТЛИЧНО

общая ОТЛИЧНО

Председатель военной
экзаменационной комиссии
И. Р. [подпись]
(звание, подпись)

Начальник учебной
организации
[подпись]
(подпись)

М.П.
26 февраля 1986г.

Примечание. В свидетельствах, выдаваемых призванным, окончившим авиаспортивные клубы ДОСААФ, указываю количество совершенных прыжков и тип парашюта, из которых они совершены.

МПП. Зак. 938

На подоконнике стоял ламповый радиоприёмник. Ночью по нему звучали вражеские голоса. В 1986-м их уже не глушили. До сих пор помню позывные самой любимой музыкальной программы. Женский хор на русский народный манер запевал: «Сева, Сева Новгородцев. Город Лондон. ВВС» и начинался настоящий рок-н-ролл!

В шкафу были печенки из чипка (армейское кафе, расположенное на территории части). Печеньками я подкармливал себя, своих друзей и мыш. Мышь, в отличие от командира роты, могла входить на боевой пост в любое время. И мыш этим пользовалась.

Однажды стырила печенку.

Вход в норку у мыши был маленький, а печенка большая. Мышь пыхла минут пять, разворачивая добычу и так и эдак. Я рассмеялся. Мышь тут же остановилась, укоризненно посмотрела мне в глаза, разгрызла печенку и втащила ее в норку по частям. Могу поклясться, я слышал, как мыш смеялась надо мной там, под плинтусом.

Как-то ночью попытался мыш поймать. Просто так. Загнал в шкаф в угол. Мышь замерла, напружинилась и кинулась прямо в лицо. Еле увернулся.

С тех пор никого и никогда не загонял в угол. Даже на бильярде.

После армии устроился на почту. Телеграфистом. Подозреваю, я был единственным мужчиной-телеграфистом в департаменте с 1917 года. Характеристика из армии и корочки, полученные в ДОСААФ не оставляли конкурентам на вакансию никаких шансов.

Собственно, других претендентов на это место и не было. До меня эту должность занимали две женщины. Обе ушли в декрет. Я по этой части для отделения связи Волжского района города Саратова был просто находкой.

В мои обязанности входило принимать и отправлять телеграммы, заказывать междугородние переговоры. Курить в мои обязанности не входило, но чтобы иметь законный повод на перекур, я научился курить. Буквально заставил себя научиться и вот уже двадцать семь лет не могу оставить эту дурацкую привычку.

– Чего это ты куришь такое?.. Душистое, – заинтересовался как-то начальник почтового отделения.

С сигаретами в 1988-м было туго, но достать советские ещё как-то было можно. А сигареты с ментолом были недосыгаемы по совокупности причин, поэтому я делал их сам: высыпал табак из гильзы сигареты, смешивал его с мелко порубленными листьями мяты и снова набивал сигаретную гильзу.

В том числе и поэтому коллектив узла связи считал меня за оригинала.

Междугородний звонок для сотрудников почтамта был бесплатным. Что делать с этим счастьем я понятия не имел. Позвонил несколько раз девушке, в город, в котором служил, и девушка приехала в гости.

Виртуальное общение оказалось очень даже реальным, но женился я только через три года. И на другой.

До боли в губах запомнилась юная практикантка. Ежедневно она приходила на службу к восьми утра и решительно игнорировала все виды связи, кроме межгендерных. Чтобы не компрометировать стратегический объект, мы целовались на улице. Но зпт кроме поцелуев зпт поговорить с практиканткой было решительно не о чем тчк Даже так ТЧК.

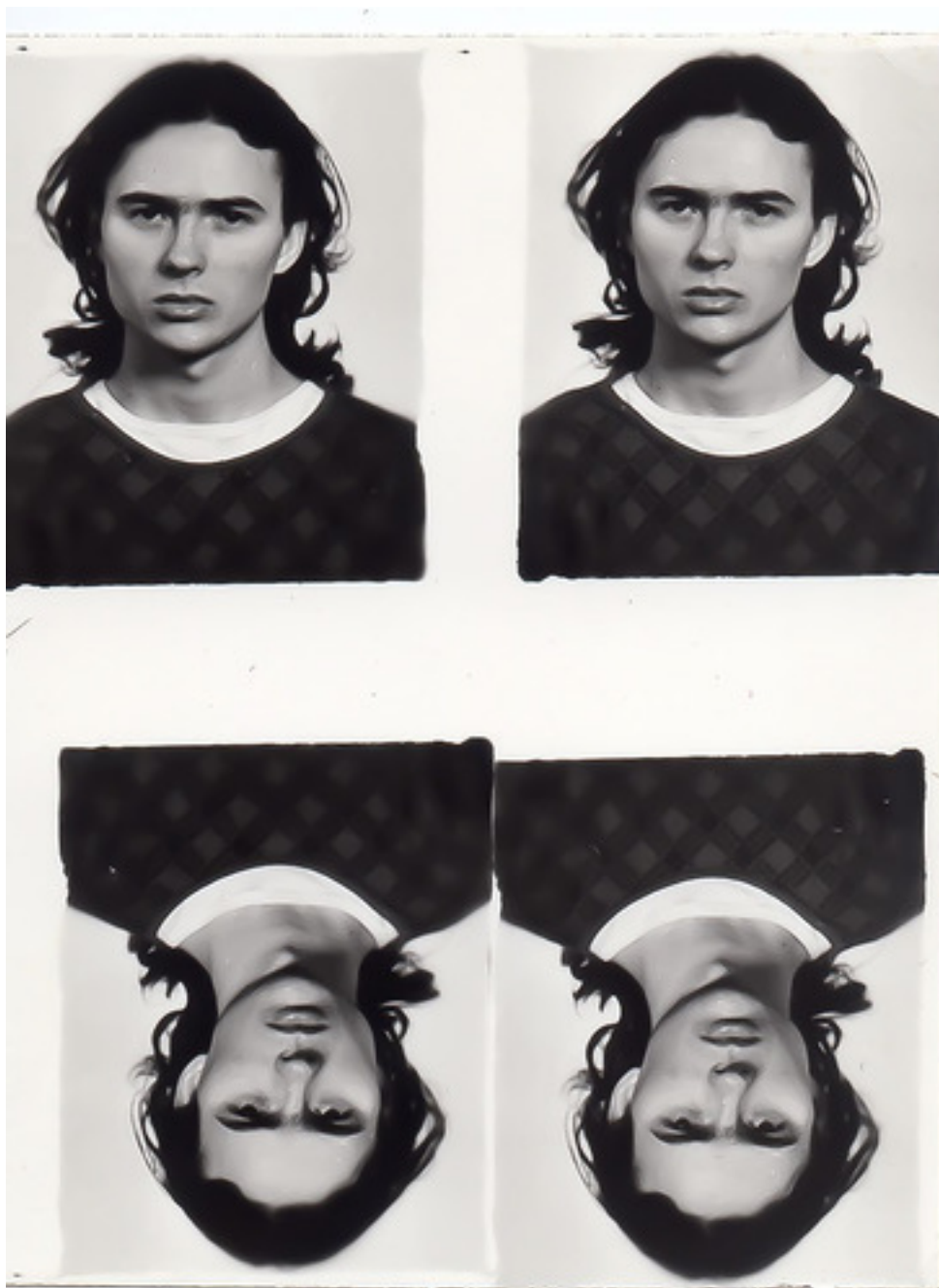
Соединять родственников, влюблённых и нотариусов посредством телеграфного аппарата, оказалось увлекательным делом, но не настолько, чтобы посвятить ему остаток жизни. И я стал филологом. Не пожалел. Ни разу.

ХАЙЕР

– Вы мне дали ключ от шкафчика в женской раздевалке.

– Ой! Извините, сослепу не разглядела.

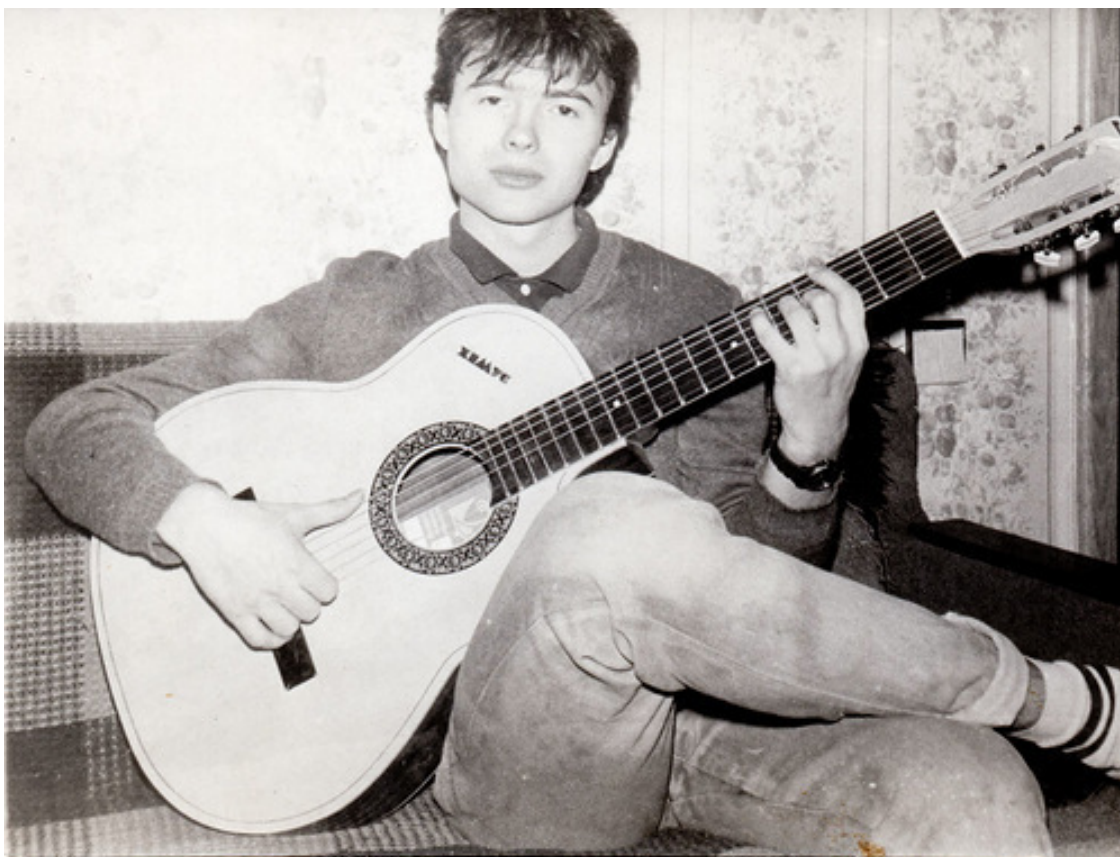
А ведь была, была возможность зайти в бассейн через женскую раздевалку.
Эти фотки я делал для пропуска в бассейн «Саратов» году в 90-м.



Отращивать хайер я стал почти сразу после армии. Достичь нужной длины волос удалось через год. Секс, портвейн и рок-н-ролл – не сказать что заклинание, но рецепт был опробован на девушках неоднократно. Рецепт работал.

В бассейне длинные волосы очень мешали, но такие мелочи не останавливали. Ну, а как по-твоему должна выглядеть начинающая рок-звезда?

Ах, да. Джинсы еще.



Вот, эти вот джинсы советского производства собственноручно «варил» в растворе хлорки. Нереально круто вышло.

А гитара...

Мою первую гитару иначе, как дровами не назовёшь. Струны над грифом у неё были натянуты так высоко, что зажимая аккорды, я сдирал пальцы в кровь. Гриф у старой гитары не регулировался.

Мама несколько месяцев смотрела на моё упорство, на гриф, залитый кровью, и не выдержала – достала заначку. Бюджетная гитара стоила двадцать пять рублей, почти четвёртая часть маминой зарплаты. Серьёзная сумма. Поэтому выбирал я гитару очень тщательно.

В магазин «Культтовары», который находился в том же доме, что и кассы Аэрофлота, на ул. Вавилова, мы пошли с мамой вместе.

– Можно вон ту посмотреть? – спросил я продавца и мне тут же сняли гитару с витрины. Через минуту я понял, что гитара не строит и попросил другую. Продавец улыбнулась и без слов достала с полки следующий инструмент, но и его оказалось невозможно настроить.

- Извините, есть гитары, кроме тех, которые вы мне показали?
- Есть, только за ними на склад нужно идти.
- Я подожду.

Я выбирал гитару полтора часа, мама не выдержала и ушла домой – маме стало неловко за мою дотошность. Уход мамы я даже не заметил, мне было важно получить инструмент, на котором можно было играть. И продавец это поняла и не стала хамить подростку. И большое ей за это спасибо – та гитара продержалась у меня пятнадцать лет и проблем со строем у неё ни разу не возникало.

Та двадцатипятирублёвая гитара была со мной везде, даже в поездке на Байкал. Я настолько привык к её безотказности и выносливости, что однажды решил переделать её в двенадцати струнную. И переделал. И несколько месяцев наслаждался необычным новым глубоким звучанием старого инструмента, но однажды ночью меня разбудил страшный грохот – не выдержал бридж (струнодержатель). Сила натяжения двенадцати струн была такой, что бридж вырвало с частью верхней деки. Так я остался без гитары.

– «Хемус» из-под прилавка за сто двадцать рублей будешь брать? – друг Серёга стоял в дверях моей квартиры и ждал ответа, – Белая, как пароход!

«Из-под прилавка» – это выражение родом из советских времён тотального дефицита. Когда я говорю своим детям о том, что в моём детстве не было пепси, они меня недоверчиво переспрашивают: Как это?!

И ведь не было не только пепси, не было почти ничего в советских магазинах. А за тем, что в магазинах было, выстраивались огромные очереди. Чтобы купить холодильник или телевизор, нужно было записаться в очередь и раз в месяц приходить на перекличку отмечаться. Опоздал на перекличку и тебя из очереди вычёркивали. И всё по новой. Месяцами... за обычным холодильником... тысячи людей... по всей стране... Безумие.

Продавцы наживались на дефиците так: часть товара не пускалась в свободную продажу, а распределялась по знакомым и знакомым знакомых. Это называлось «достать по блату» и стоило дороже официального ценника, установленного советской торговлей. Иногда переплата доходила до ста процентов от номинальной стоимости. Но чаще не переваливала четвертака сверху. Двадцать пять рублей. Фиолетовая купюра с изображением Ильича. На лицевой стороне банкноты, мелкими буквами было написано – банковские билеты обеспечиваются золотом, драгоценными камнями и прочими активами государственного банка.



За спекуляцию в УК РСФСР была статья, но продавцов-спекулянтов уголовная статья не останавливала – слишком велик был соблазн.

– Чего мне продавцу говорить, берёшь «Хемус»?

– Сто двадцать?..

– Да.

– Пусть откладывает.

– Я погнался, – выдохнул Серёга и убежал. А я стал думать, где взять сотню. Двадцать рублей у меня были.

– Я давно хотела избавиться от этого полированного гроба, – и мама кивнула на трёхстворчатый шкаф, – Надеюсь, за сто рублей его возьмут.

Взяли шкаф за восемьдесят, и мама снова добавила недостающую сумму: Как-нибудь перебьёмся. К тому времени я уже давно подрабатывал санитаром в Третьей советской больнице и мы перебились. Новая гитара стоила того.

Через год новая гитара перестала строить на третьем ладу. Пришлось срочно продавать её бывшему однокласснику.

Боре Гаврилюку было решительно всё равно, фальшивит гитара или нет.

– Да пофиг, – сказал Боря и достал из кармана сотню.

Так, вот, джинсы.

Как-то перелезал через забор, и джинсы лопнули по шву на задку. Хорошо, что до дома было недалеко – добежал, зашил. Но вскоре хлорка стала брать своё, и штаны начали расплзаться в самых неожиданных местах.

Зашивал снова и снова, потом плюнул – придумал делать заплатки из разноцветной ткани.

– Перестань носить эти обноски! – нервничала тётушка, – соседи говорят, что ты, гей!

Уверен, соседи выражались несколько иначе и гораздо грубее.

В ответ на слова тётушки я только смеялся и вшивал в джинсы очередную заплатку. Мама благоразумно молчала. Но однажды не выдержала и пообещала сохранить портки, чтобы показывать их моим детям. Угроза не подействовала.

Дырявые джинсы с заплатками в 1989 году... Таких штанов в городе не было больше ни у кого!

НА ЭТОМ МЕСТЕ ДОЛЖНА БЫТЬ ФОТКА ДРАНЫХ ШТАНОВ. НО ТАКОЙ ФОТКИ НЕТ. ВЕРЬ ТАК.

Да что там штаны! Тех, кто ходил по городу в шортах, можно было по пальцам пересчитать. А в деревнях...

– Вам морду когда-нибудь били?

– Что-о-о-о?!

– Вам когда-нибудь били морду просто так?..

Директор элеватора смотрел на группку студентов воинственно рассредоточившихся по его небольшому кабинету и решительно не понимал, что происходит. А ничего и не происходило. Все, что могло произойти, случилось еще вчера.

Закончив смену на элеваторе, девчонки отправились в душ и когда уже румяные выходили на улицу, нарвались на местных пацанов. Не нарваться было невозможно – пацаны все это время подглядывали в плохо покрашенные белой краской окна и от того, что они в этих окнах увидели, пребывали в сильной ажиотации.

Распаренные городские барышни манили незнакомыми ароматами...

– А поехали на речку, на лодках кататься? – предложили местные пацаны.

– А не пошли бы вы! – смущенно ответили городские барышни.

Нехитрое ухаживание могло бы продолжаться и дальше, но на пути эротических фантазий местных неожиданно встал студент Лёха. Точнее, Лёха шел и встал в этом месте совершенно случайно. Лёха был филолог и в очках. Становиться защитником не планировал. А пришлось.

Пока Лёху били, Ксюша прорвала окружение и с криком «наших бьют!» влетела в общагу.

Мы повыскакивали в окна первого этажа, за минуту добежали до бани, но кроме качественно побитого Лёхи, который напрасно пытался приладить к себе разбитые очки, никого не застали.

А ведь все так хорошо начиналось...

Деревня Дергачи прислала разрядку в Саратовский университет, с просьбой выделить им в помощь рабочую силу на две недели.

Поезд остановился на станции глухой ночью:

– Это точно Дергачи?

– Прыгайте быстрее, – поторопил проводник, – Через минуту тронемся и тогда точно будут не Дергачи, а следующая остановка через три часа.

И мы посыпались из вагона на разбитый асфальт деревенского перрона. Здание станции выглядело не лучше, но мы надеялись, что утром все будет иначе. Когда рассвело, стало понятно – иначе не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.